

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТИУТОПИЯ: ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА

Рассматривается проблема генезиса литературной антиутопии. Появление данной жанровой разновидности объясняется исходя из специфики социокультурной ситуации начала XX в.

The problem of literary anti-Utopia genesis is examined. The appearance of the given genre version is explained by the social and cultural situation at the beginning of the XX century.

Антиутопия – явление в литературе уникальное. Его уникальность обусловлена рядом факторов: во-первых, спецификой самого жанра, находящегося на стыке литературы, социологии и философии; во-вторых, тем разнообразием мнений, которые существуют относительно данного феномена. В литературоведении достаточно подробно изучены жанровая специфика и отдельные вопросы поэтики антиутопии, спорными до настоящего времени остаются проблемы ее генезиса, модификации в литературном процессе XX в. и типологии. В последние десятилетия предпринимаются попытки создания целостной концеп-

ции антиутопии. Среди наиболее значимых следует отметить работы Б. Ланина «Русская литературная антиутопия» (1993), М. Кейза Букера «Dystopian Literature» (1994), С. Мейера «Die anti-utopische Tradition: eine ideen- und problemgeschichtliche Darstellung» (2001), Г. Эссельборна «Utopie, Antiutopie und Science Fiction im deutschsprachigen Roman des 20» (2003). Однако в них авторы рассматривают прежде всего проблему корреляции антиутопии с утопической традицией в контексте западноевропейской и русской литератур. Вместе с тем вопрос о генезисе антиутопии в современном литературоведении специ-

ально не рассматривался, вследствие чего не получил должного теоретического обоснования.

Относительно возникновения и становления литературной антиутопии существует устоявшаяся точка зрения, согласно которой антиутопия возникла как сатирический корректив утопии и получила законченное выражение в литературно-художественной форме в романах Е. Замятина «Мы» (1920), О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932) и Дж. Оруэлла «1984» (1948)^{*}. Что же касается механизма возникновения антиутопии и объяснения причин данного процесса, общим местом стало упоминание о трагической истории прошлого века, двух мировых войнах, тоталитарных режимах в Германии и Советском Союзе и т. п. (т. е. совокупность факторов, которые следует обозначить как кризис гуманизма). Однако, с нашей точки зрения, указанные факторы сами являются следствием более глобального процесса – кризиса доминирующей социальной мифологемы. В интересующем нас аспекте социальная мифология достаточно подробно рассмотрена в работе Т. Алпеевой «Теоретико-методологический анализ проблемы социального мифа» (1993). Так, по ее мнению, в европейской истории прослеживается несколько ключевых мифологем. Последняя из них функционирует до настоящего времени и определяет специфику современной культуры. В ее основе лежит «идея автономности общества как системы, принципиально противоположной природе и космосу, развивающейся на основе внутренних возможностей составляющих его индивидов», которая явилась «следствием обобщения социальных иллюзий периода буржуазных отношений» (Алпеева 1993, 24). Именно мировоззренческий кризис на рубеже XIX–XX вв. способствовал окончательному утверждению феномена антиутопизма в практике литературы. Нам представляется недостаточно обоснованным считать антиутопизм особой формой теоретической деятельности, так же как и рассматривать антиутопию в качестве специфической художественной формы. Скорее следует говорить об антиутопическом видении мира, появившегося на определенном этапе общественного развития и являющегося следствием кризиса ключевой социальной мифологемы, обусловившего появление в литературе такой жанровой разновидности, как роман-антиутопия.

Чтобы пояснить данную мысль, сошлемся на общеизвестный факт: то, что мы теперь называем утопией, появилось задолго до выхода в свет

книги Т. Мора в 1516 г. Европейская утопическая традиция насчитывает несколько тысячелетий и восходит к временам античности. Проблема общественного идеала достаточно подробно рассматривается в диалогах Платона «Пир» и «Государство», а также в «Киропедии» Ксенофонта. Однако для того, чтобы утопические чаяния и надежды, существовавшие в массовом сознании, обрели форму конкретного художественного произведения, требовалось изменение ключевой мировоззренческой установки общества. Так, на ранних стадиях развития человечества проблема социального идеала находила отражение в мифологии, в результате оформившись в миф о «золотом веке». В теоцентрической модели мира средневековья социальный идеал находил адекватное выражение в компенсаторной идее миллениаризма. Только с утверждением антропоцентрических взглядов представителей эпохи Возрождения и картезианской философии рационализма стало возможным появление классической литературной утопии 1516–1627 гг. – «Утопии» Т. Мора, «Города Солнца» Т. Кампанеллы и «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона. Вера во всепобеждающую силу человеческого разума, способного без посредства божественного вмешательства создать рай на земле, явилась онтологическим основанием утопии, реализованной в форме «государственного романа». Как только эта вера была подорвана, т. е. доминирующая мифологема обнаружила кризис, отдельные сомнения в возможности осуществления утопических идеалов и сатирические нападки на конкретные проекты преобразования общества получили возможность обрести законченную художественную форму. Более того, практика «агрессивного» утопизма второй половины XIX – начала XX в. (ряд неудачных коммунистических экспериментов в Европе и Америке, а также события в России после февраля 1917 г.) обусловили переход от абстрактной критики утопических проектов к реальным опасениям перед перспективой их претворения в жизнь. Характерно, что О. Хаксли в качестве эпиграфа к своей антиутопии приводит высказывание Н.А. Бердяева, который охарактеризовал социокультурную ситуацию начала XX в. следующим образом: «...утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе: как избежать их окончательного осуществления... Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к

^{*} Следует заметить, что в отношении жанровой принадлежности последнего произведения среди литературоведов существуют разногласия. Одни исследователи рассматривают роман Дж. Оруэлла в качестве антиутопии, другие определяют жанровую специфику данного произведения как дистопию. Впервые вопрос о правомерности отождествления романа Дж. Оруэлла с литературной антиутопией поставлен в статье Э. Фромма «Afterword to George Orwell's "1984"» (1962).

^{**} Теоретическое обоснование кризиса европейского рационализма получил в работах М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1904), З. Фрейда «Лекции по введению в психоанализ» (1910) и «Психология масс и анализ человеческого Я» (1923), К. Юнга «Метаморфозы и символы либидо» (1912).

не утопическому обществу, к менее “совершенному” и более свободному обществу» (Бердяев 1924, 121–122).

Если проследить эволюцию утопии с точки зрения ее жанрового оформления, то очевидной становится следующая закономерность. Во-первых, вопреки широко распространенному отождествлению утопии с литературно-художественным жанром утопический идеал может находить выражение либо в форме социально-политического или экономического трактата, теоретической концепции, политической программы, футурологического прогноза, коммунарного эксперимента, либо составлять часть более широкой теоретической структуры, в целом не имеющей утопического характера (см. Баталов 1982). Данное положение в известной степени применимо и по отношению к антиутопии: в качестве примера ее «внелитературной» реализации можно назвать работы К. Юнга «Современность и будущее» (1960) и К. Ясперса «Куда движется ФРГ?» (1969), а также сослаться на исследование А. Иконникова «Утопия и антиутопия в современной архитектуре» (1976). Во-вторых, начиная с античности (времен Платона и Ксенофонта), утопические образы получали воплощение по преимуществу в философских, социально-политических, экономических трактатах, а также в программах общественного переустройства. Наконец, утверждение о том, что утопия обрела законченную литературно-художественную форму в XVI в., – достаточно условное. «Утопия» (1516) Т. Мора, «Город Солнца» (1602) Т. Кампанеллы и «Новая Атлантида» (1623–1624) Ф. Бэкона представляют собой сплав публицистических жанров, где доминирует социальное начало, а художественная составляющая является вторичной. Аналогичным образом картины утопической действительности в произведениях Вольтера и Ж.Ж. Руссо, воплощая в жизнь просветительские идеалы, в соответствии с задачами эпохи выполняют прежде всего не эстетические, а дидактические функции. В полной мере литературный характер утопии проявляется в английском утопическом романе второй половины XIX в. – У. Морриса «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья», дилогии С. Батлера «Егдин» и «Возвращение в Егдин» и др. Тогда же возникает понятие «государственный роман», которое следует рассматривать скорее не как литературоведческий термин, а как прямое обозначение доминирующего объекта изображения утопической литературы периода XVI–XIX вв. При этом бурное развитие науки и техники во второй половине XIX в. стимулировало процесс формирования и становления такой жанровой разновидности, как научно-фантастический роман. Данное обстоятельство имело следствием не только размежевание научной фантастики и утопического романа, но и вытеснение последнего из художественной литературы на рубеже XIX–XX вв. Не вызывает сом-

нений тот факт, что проблема социального идеала в дальнейшем получала преимущественное развитие в рамках научно-фантастических произведений: выстроился определенный литературный ряд (Ж. Верн, Г. Уэллс, Дж. Лондон, А. Франс, С. Льюис, К. Чапек, Р. Брэдли, Э. Берджесс, К. Воннегут и др.), позволяющий говорить, с одной стороны, о качественной эволюции утопического романа, с другой – о его полном замещении иным жанром. Более того, кризис ключевой социальной мифологемы стимулировал появление такой специфической художественной формы, как роман-предупреждение (или роман-предостережение). Так, классическим образцом «романа-предупреждения» начала XX в. является роман Дж. Лондона «Железная пята» (1908), в котором описывается недалекое будущее человечества, томящегося под игмом захвативших власть олигархов. В силу ограниченности эстетических достоинств самого текста и умозрительности футурологических экстраполяций автора роман Дж. Лондона представляет интерес прежде всего как факт истории литературного процесса XX в., а не как произведение известной жанровой направленности. Утопический подход к моделированию социальной реальности в романе является частным случаем общей тенденции проникновения элементов утопического сознания в литературу и не может быть основополагающим признаком в определении жанрового статуса произведения. С нашей точки зрения, рассматривать роман-предупреждение в качестве самостоятельного жанра или жанровой разновидности утопического романа не совсем корректно, поскольку данный термин не отражает реальной жанровой формы, а лишь указывает на одну из функций, присущих антиутопической литературе в целом. Доминирование данной функции является результатом кризиса гуманистической идеи, когда нагнетание алармистских тенденций в общественном сознании достигло определенного критического уровня и, не имея адекватных способов выражения, акцентировало прогностическую функцию социальной и политической фантастики. Впоследствии антиутопия в художественной литературе и социальное прогнозирование в общественных науках, девальвируя прогностическую значимость романа-предупреждения, обнаружили терминологическую несостоятельность данного понятия.

В настоящее время в литературоведении широко признана точка зрения, согласно которой возникновение антиутопии в начале XX в. произошло не спонтанно, а явилось следствием «крис-

* Вопрос о соотношении понятий «утопия», «антиутопия» и «научная фантастика» подробно рассматривается в работе Г. Эссельборна (см. Esselborn H. Utopie, Antiutopie und Science Fiction im deutschsprachigen Roman des 20 Jahrhunderts. Würzburg, 2003).

таллизации»^{*} идей, существовавших в течение столетий и составлявших «параллельный поток» литературной утопии (см. Manuel 1966, 325). Необходимо обратить особое внимание на то, что, в отличие от утопии, произведения антиутопического характера тяготеют именно к литературно-художественной форме выражения. Например, модель идеального государства, которая нашла отражение в философских трактатах Платона, являющегося одним из родоначальников европейской утопической традиции, была осмеяна в комедии Аристофана «Женщины в национальном собрании». Автор показал всю глупость и бесчеловечность предложенной социальной модели применительно к конкретному человеку, что составляет одну из сущностных черт антиутопического видения мира. Причем это является не единичным фактом, а четко выраженной тенденцией, сохранившей актуальность вплоть до конца XIX в.: достаточно вспомнить сатирические интенции Сервантеса в «Дон Кихоте» (1605, 1615), Дж. Свифта в «Путешествиях Гулливера» (1726), М.Е. Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» (1870), Ф.М. Достоевского в «Легенде о Великом Инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы» (1879–1880), ставивших под сомнение возможность безболезненного осуществления утопических идеалов на практике. Более того, это обстоятельство послужило достаточным основанием, чтобы отнести Сервантеса и Ф.М. Достоевского едва ли не к родоначальникам антиутопического жанра в литературе (Morson 1981). При этом «антиутопическая» теория антиутопии Г. Морсона, доминировавшая в литературоведении последних десятилетий XX в., оказала заметное влияние на ряд исследовательских работ, затрагивавших проблему русской и белорусской антиутопии (Б. Ланин, Н. Арсентьева, Т. Сухоцкая и др.).

Мы придерживаемся противоположной точки зрения, полагая, что произведения, составлявшие названный выше «параллельный поток», сохраняли все признаки утопии и отрицали не столько сам утопический подход к моделированию социальных идеалов, сколько конкретные формы утопии (так, например, «Утопия» Т. Мора полемизировала с «Государством» Платона, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона – с утопией Т. Мора, Сервантес в «Дон Кихоте» устанавливал пародийные отношения со средневековым рыцарским романом и т. д.). Антиутопия появляется на более позднем этапе развития утопического сознания, когда последнее получило полноценное выражение в законченной литературно-художественной форме – романа-антиутопии. Ее окончательная литературная реализация в романах Е. Замятина «Мы» и О. Хаксли «О дивный новый мир» стала возможной вследствие кризиса клю-

чевой социальной мифологемы, определявшей направление развития европейской цивилизации на протяжении XVI–XIX вв. Для ситуации начала XX в. характерно следующее: социальные катаклизмы, явившиеся следствием развития научно-технического прогресса и радикальных политических изменений в общественной жизни европейских государств (достаточно локальных в масштабах рассматриваемого феномена), наложившись на общецивилизационный кризис, в результате чего возникла кризисная ситуация второго порядка, обусловившая возможность реализации феномена утопизма в форме литературной антиутопии – явления, носящего диалектический характер, поскольку в нем сопряжены две крайности: собственно утопический подход к действительности и принципиальное отрицание утопии. В этом отношении достаточно показательно дискуссия среди западноевропейских литературоведов о том, кто в действительности является родоначальником данной жанровой разновидности – Е. Замятин или О. Хаксли. С нашей точки зрения, оба автора независимо друг от друга наиболее адекватно выразили главную тенденцию изменения общественного сознания, поскольку в первые десятилетия XX в. социокультурная ситуация была такова, что антиутопическое видение мира широко проникало в художественную литературу. В частности, в русской литературе в период 1919–1929 гг. появляется ряд произведений, не являющихся антиутопиями, но в которых присутствует антиутопическое начало: «Рассказ об Аке и человечестве» Е. Зозули, «Отрывок будущего романа: Написано по рецепту “Алой чумы”» А. Аверченко, «Дьяволиада», «Роковые яйца» и «Собачье сердце» М. Булгакова, «Ленинград» М. Козырева, «Чевенгур» и «Котлован» А. Платонова и др.

Таким образом, утопический подход к действительности получает широкое распространение в моменты социальных потрясений и проблемных ситуаций в культуре, которые детерминируются реальными противоречиями общественного развития. В настоящее время европейская цивилизация находится в стадии формирования очередной ключевой мифологемы (идеи постиндустриального или информационного общества), философским обоснованием которой являются взгляды Д. Белла, З. Бжезинского, А. Тоффлера и др. Практика «агрессивного» утопизма конца XIX – первой половины XX в. трансформируется в более мягкие формы экутопии (глобального научно-культурного проектирования), практопии (социального реформирования, направленного на построение не идеального, но лучшего, чем существующий, мира), зупсихии (программы духовного раскрепощения личности посредством социальной терапии) и т. п. Поэтому на рубеже XX–XXI вв. антиутопия в известной мере утрачивает свою актуальность. Получает широкое распространение другая ее типологическая разно-

^{*} Термин Дж. Кейтэба (см.: Kateb G. Utopia and its Enemies. New York, 1972).

видность – дистопия (Т. Толстая «Кысь», А. Зиновьев «Глобальный Человейник», Д. Галковский «Друг утят» и др.), где эсхатологические ожидания обусловлены не социальным моделированием, а теми глобальными угрозами, с которыми столкнулось человечество на пороге XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

Алпеева Т.М. Теоретико-методологический анализ проблемы социального мифа: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Мн., 1993.

Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.

Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Берлин, 1924.

Manuel F. Toward a Psychological History of Utopias // Utopias and utopian thought. Cambridge, 1966. P. 69–100.

Morson G. The Boundaries of Genre. Dostoevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia. Austin, 1981.

Поступила в редакцию 05.12.08.

Александр Юрьевич Смирнов – преподаватель кафедры русской литературы.